

Марина СЕРОВА

САМЫЙ УСПЕШНЫЙ ПРОЕКТ ГОДА

*Подруга
подкодная*

ТЕЛЕОБРАТИТЕЛЬ
ЕО
ПРОГРАММА НЕДЕЛИ

2010

Телохранитель Евгения Охотникова

Марина Серова

Подруга подколотная

«Научная книга»

Серова М. С.

Подруга подколодная / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Телохранитель Евгения Охотникова)

Любимый мужчина телохранителя Евгении Охотниковой в печали – убит его старший брат. И благородное сердце Жени дрогнуло: она взялась за расследование. Но отношения между бывшими и будущими женами убитого, его секретаршами, возлюбленными, их подругами оказались такими запутанными, что не только выяснить, кто убийца, но и разобраться в этом деле непросто.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Марина Серова

Подруга подколотная

Глава 1

Я откинулась на подушку и сладострастно застонала. Губы мои тронула чуть заметная улыбка.

– Ты божественна, – произнес мне в самое ухо Жемчужный, растягиваясь рядом во весь рост.

– Спасибо, – ответила я, смеживая веки.

Костю я знала уже больше года, но наши отношения переросли во что-то более серьезное, нежели дружба, буквально пару месяцев назад. И то только потому, что он был слишком настойчив, а я не могла долго держать оборону. Нет, нельзя сказать, что Константин Жемчужный мне не нравился. Напротив, я относилась к нему с очень глубокой симпатией. Может быть, даже где-то в глубине моей души и таилось чувство, похожее на любовь. Но я не могла переступить черту и связать себя с кем-то перспективными отношениями. Это не было комплексом с моей стороны. Просто я считала, что человек с такой профессией, как у меня, не имеет права заводить семью или даже близкого человека.

Я занималась частной охраной. В моей сумочке всегда покоились удостоверение бодигарда и надежный револьвер французского производства. Меня нанимали для тяжелой и опасной работы, при которой мне приходилось бороться не только за жизнь клиента, но зачастую и за свою собственную. Ну как, скажите, при таком раскладе мыслимо выйти замуж и обзавестись детишками. Я привыкла полагаться только на самое себя и не допускала слабых мест в своем тылу, которыми запросто могли воспользоваться недоброжелатели.

И тем не менее Костя стал почти исключением. И не потому, что чары любви оказались сильнее жизненных принципов, а скорее по причине того, что Жемчужный не раз помогал мне в каком-либо сложном и запутанном деле. Он нередко выручал меня и даже спасал в трудную минуту, он был рядом тогда, когда мне был необходим совет или моральная поддержка. Мы научились понимать друг друга с полуслова. Костя всегда давал мне новый заряд и источник сил, когда я вдруг заходила в тупик и скисала.

Костя Жемчужный был по профессии актером, и познакомились мы с ним, когда мне пришлось охранять одного его знакомого. Потом мы какое-то время не виделись, и затем судьба свела нас снова, когда я волею судьбы оказалась в театре опять-таки по работе. С тех пор мы с Костей виделись очень часто, и каждый раз он склонял меня к греху. Настойчиво и упорно. Посудите сами, рано или поздно я должна была сломаться. Правда, Костя предлагал еще и узаконить наши взаимоотношения, вступив в брак, но к этому я еще не была готова. И, может быть, не буду довольно долго.

– Перекусить не хочешь чего-нибудь? – прервал мои размышления Жемчужный.

– А сколько времени?

– Половина шестого утра, – ответил он, бросив взгляд на свои наручные часы с подсветкой.

– Ничего себе, – присвистнула я.

– А что поделаешь? – философски заметил он. – Счастливые часов не наблюдают.

– Ты это о ком? – решила я немного поддеть его.

– О себе, конечно, – тут же нашелся Костя. – У тебя ведь часов на руке не было.

Он потянулся к тумбочке и взял сигареты. Чиркнув зажигалкой, закурил.

– Холодно, – я поежилась и поплотнее завернулась в одеяло.

– Разумеется. Последние осенние деньки доживаем. «Не успеешь оглянуться, как зима катит в глаза», – продекламировал он.

– Ты на кого намекаешь?

– А разве ты бездельничала?

– Нет, наоборот. За эту осень я порядочно подустала. Да и летом тоже пахала не покладая рук.

– Бедняжка, – он отложил сигарету и ласково провел рукой по моим волосам. – Скажи спасибо, что у тебя есть я. Иначе загнулась бы раньше срока. Или спилась.

– Это точно. Представить себе не могу, как я раньше жила, не подозревая о твоём существовании.

– Полагаю, что ужасно. Но судьба смилостивилась над тобой и решила преподнести подарок.

Эта была наша обычная форма общения. Что называется, кто кого переговорит. Мы могли пикироваться до бесконечности.

– Так что ты там трепался насчет завтрака? – напомнила ему я.

Он тут же по-солдатски вскочил с кровати и склонился в глубоком поклоне.

– Чего пожелает моя ненаглядная госпожа?

– Омаров в соусе с каперсами и оливками, заливное мясо и шашлык по-карски. Я ничего не забыла? Ах, да! Еще сок без мякоти из авокадо. Желательно с соломинкой.

– Вместо всего этого со всем почтением могу предложить пару бутербродов с ветчиной и пиво. Жигулевское, – расплылся в улыбке Жемчужный.

– Ладно, – вздохнула я. – Обойдемся без пива, а бутерброды носи. И лучше не два, а сразу пять, чтобы потом не бегать.

– Будет исполнено, – он направился к двери.

– Костя! – окликнула я его.

– Что?

– И будь добр, свари мне кофе. Уснуть теперь я вряд ли смогу, а чувствовать себя весь день разбитой что-то не хочется. Договорились?

– Конечно, – он вернулся к кровати и, склонившись надо мной, страстно поцеловал в губы. – Все что скажешь, любовь моя.

– Иди-иди, донжуан, – поторопила его я.

Когда Жемчужный скрылся за дверью, я сладко потянулась и села в кровати, наслаждаясь полумраком спальни и приятной музыкой, ласкавшей слух. Что ни говори, а Жемчужный умел создать подходящую случаю обстановку. Его однокомнатная квартира, которую он в свое время получил от театра за выдающиеся заслуги в области искусства, представляла собой перевалочную базу. Насколько я знала, Костя редко ночевал дома, то и дело оставаясь в гостях у кого-нибудь из своих друзей или коллег по работе. Жемчужный не выносил одиночества. Во всех компаниях он всегда признавался бесспорным лидером и, когда входил в раж, мог травить всякие байки часами. Вот по этой-то самой причине его периодического отсутствия дома квартира выглядела совершенно заброшенной. Впрочем, может быть, у всех холостяков она пребывает в таком нежилом виде. Я не знаю.

Но каждый раз к моему визиту в его скромную обитель Жемчужный готовился чуть ли не за неделю: все драил, вычищал и вообще старался создать дома полный уют и порядок. Могу представить, каких трудов это ему стоило. К моему приходу его спальня очень сильно напоминала что-то вроде комфортабельного номера люкс престижной гостиницы. Аккуратно застеленная белоснежным бельем кровать, чистенькие веселенькие занавесочки на окнах, кругом ни пылинки. Рядом с кроватью – небольшой столик на колесиках под антиквариат. На тумбочке у окна – телевизор и видеомагнитофон. Правда, советский, но это уж, как говорится,

кому что по средствам. На подоконнике стояла ваза с цветами. Наткнувшись на нее взглядом, я не смогла удержаться от улыбки.

Этот букет чайных роз мне вчера подарил Костя. Как мы и договаривались, я пришла к нему на спектакль в театр, и этот любитель красивых эффектов по окончании действия вышел на поклон к публике уже с букетом. Перед самым закрытием занавеса Костя спустился в зал и преподнес мне цветы. Этот поступок с его стороны вызвал взрыв оваций не только среди зрителей, но и среди актеров, стоящих на сцене. Не скрою, мне было очень приятно, тем более если учесть, что Жемчужный слыл любимцем публики, и за несколько секунд до вышеописанного зрители, стоя, скандировали его фамилию.

– О чем ты замечталась? – спросил Костя, возникая на пороге с подносом в руках.

– Ни о чем, – ответила я. – Просто любовалась цветами, которые ты подарил мне вчера.

– Я знал, что тебе будет приятно, – он поставил поднос прямо на кровать в ногах и тоже присел рядом. – А доставлять тебе приятное есть для меня наивысшее блаженство.

Далее наш разговор вынужденно прекратился, потому как мы с Костей, как два изголодавшихся дикаря, накинулись на бутерброды с ветчиной. Жемчужный, правда, сдабривал еще свой завтрак жигулевским пивом, от которого я отказалась, но мне нисколько не было завидно. Я с удовольствием подкреплялась кофе, сваренным Костей.

– Слушай, – неожиданно сказал он после того, как в очередной раз запил ветчину пивом. – А как ты смотришь на то, чтобы нам с тобой куда-нибудь поехать? Вдвоем. Только я и ты. Как тебе моя идея?

– Идея хороша, – вынуждена была признать я. – А куда ты планируешь направиться?

– Туда, где потеплее.

– На экватор, что ли? – съязвила я.

– Ну, зачем сразу на экватор, – нисколько не обиделся Жемчужный, – мало ли других прекрасных мест на земле. Есть даже такие, где еще не ступала нога человека.

– В такие не хочу, – запротестовала я с набитым ртом.

– А куда хочешь?

– Ты что, серьезно? – я проглотила кусочек последнего бутерброда, нагло уведя его у Кости из-под носа, и уставилась на него.

– Конечно.

– А с работой как быть?

– Тебе давно пора уже отдохнуть, – укорил меня он.

– Я не о своей работе говорю, – я стряхнула с постели крошки и растянулась во весь рост на одеяле. – Я-то работаю, когда захочу. Имею право устроить себе отдых в любой момент. С тобой вот как быть?

– Тоже мне проблема! – отмахнулся Жемчужный. – Возьму за свой счет и свободен, как ветер в поле.

– А спектакли?

– Так есть же второй состав, – продолжал он отстаивать свою идею.

– Надо подумать, – я не была готова к такому повороту и не спешила принимать скоропалительных решений.

– Чего тут думать? – похоже, Костя завелся. – Ты представить себе не можешь, как мне надоело встречаться с тобой урывками.

– Хочешь прекратить встречи? – улыбнулась я.

– Перестань. Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду. Ты приходишь и уходишь, а мне хочется, чтобы мы никогда не расставались. Так пусть такое случится хотя бы на короткий срок. Мы побудем наедине, у тебя появится возможность присмотреться ко мне получше. Глядишь, чего-нибудь и решим насчет будущего.

– Опять старая песня, – я театрально закатила глаза. – Ты и дня не можешь провести, не заговорив об этом.

– Конечно, не могу, – подтвердил он. – А думаю я об этом вообще двадцать четыре часа в сутки. В этом все мои жизненные устремления и желания.

– Хорошо, – кивнула я. – Давай вернемся к этому вопросу через недельку.

– К вопросу о свадьбе? – попытался поймать он меня.

– Нет, к вопросу о поездке.

– Ну что ж, и на том спасибо, – Жемчужный сделал вид, что погрузился и у него в одночасье упало настроение, но я слишком хорошо его знала. Обижаться по-настоящему и терять присутствие духа он никогда не умел. Просто играл.

После легкого завтрака Костя доставил мне еще одно удовольствие. Он включил телевизор и вставил в видеомагнитофон кассету. Жемчужный тоже хорошо изучил меня и знал, что я получаю невысказанное наслаждение от просмотра видеопроодукции. Я по природе своей была видеоманкой, а Костя, видимо, решил сегодня угождать мне во всем.

– Новый фильм, – сообщил он. – Вчера купил. Специально для тебя.

Впрочем, и тут со стороны Жемчужного не обошлось без подвоха. Фильм был эротический, и в основе его лежала страстная, не поддающаяся никакому описанию любовь.

Просмотр видеофильма плавно перешел в частичное воспроизведение того, что происходило на экране, и в скором времени нам вообще стало не до телевидения. Честно говоря, нам ни до чего не было дела.

Ехать домой я собралась уже в половине десятого утра. И то только потому, что Косте следовало торопиться на репетицию. У меня, слава богу, никаких дел не было. Я любила подобные передышки в работе.

Отгонять «Фольксваген» в гараж я поленилась и оставила его у подъезда. В крайнем случае, отгону вечером.

– Никто не звонил? – спросила я тетушку прямо с порога.

– Тебе – нет, – ответила она.

– А кому звонили? Тебе? – полюбопытствовала я.

– Я не готова обсуждать с тобой личные вопросы, – жеманно ответила она и удалилась в кухню.

Похоже, тетушка Мила была сегодня в хорошем и игривом настроении. Не знаю, чем это объяснялось, но я искренне порадовалась, что она не скучала в мое отсутствие и ее жизненный тонус превышал верхнюю планку.

– Ах, простите, тетушка, – бросила я ей вслед.

Сняв с себя плащ и сапожки, я направилась в свою спальню. В гостях, конечно, хорошо, но дома лучше. Это я в том смысле, что дома я, как ни крути, чувствовала себя значительно уютнее, чем у Кости. Да и вообще где-либо.

Я переделась в домашнюю одежду, сварила себе кофе и после этого с дымящейся чашкой присоединилась к тете, которая к этому времени уже расположилась в гостиной перед телевизором. Сегодня был вторник, и я знала, что по телевизору ничего интересного не покажут, но тетушка наверняка ожидала очередного сериала, а я хотела провести время с ней, так сказать, в семейной обстановке.

– Как отдохнула? – спросила меня тетя, стоило мне опуститься в кресло рядом с ней.

– Спасибо, хорошо, – ответила я и тут же неожиданно для самой себя спросила: – А как ты отнесешься к тому, что я выйду замуж?

– Давно пора, – игриво улыбнулась моя тетушка. – Или ты собираешься до старости жить одна?

– Не собираюсь, – честно ответила я. – Просто мне не хотелось бы оставлять тебя в одиночестве.

– Ничего страшного, – произнесла тетушка в своей обычной манере. – Я, слава богу, и сама могу позаботиться о себе. Здоровьем не обделена.

– Я не это имела в виду... – попыталась оправдаться я, но она не дала мне этого сделать.

– Я прекрасно поняла, что ты имела в виду. Не считай меня глупее себя, – и она тут же перескочила на другое. – А что, у тебя есть подходящая кандидатура для брака?

– Может, и есть. Кто знает? – туманно ответила я.

– Ты все время говоришь загадками.

– Беру пример с вас, тетушка, – парировала я.

В этот момент начался сериал, и вопрос о моем предполагаемом замужестве снова канул в небытие. Одному богу был известен ответ на него, потому как я сама не могла решить для себя ничего определенного.

Уделив тетушке достаточно времени, я ближе к вечеру перебралась в собственную спальню и предалась общению с видео. Надо заметить, что я все-таки забрала у Жемчужного тот фильм, что он купил для меня, дабы дома в спокойной обстановке узнать, чем же закончился сюжет. Отсмотрев одно произведение искусства, я от нечего делать сменила его другим, затем третьим и так далее.

За этим невинным занятием меня и застал телефонный звонок. Я, не отрывая взгляда от экрана, протянула руку и сняла трубку.

– Да!

– Привет! – звонил Жемчужный, и я сразу отметила, что тон его голоса не такой, как всегда. Какой-то неестественный.

– Здравствуй, – я с помощью пульта выключила аппаратуру. – Что случилось? Мы ведь договорились созвониться завтра.

– У меня несчастье, Жень, – глухо ответил он. – Сможешь приехать ко мне?

– Прямо сейчас?

– Да.

– Может, объяснишь хотя бы в двух словах... – начала было я, но он перебил меня:

– Давай не по телефону, Жень. Приезжай и все узнаешь.

– Хорошо, – ответила я и повесила трубку.

Жемчужный заставил меня не на шутку разволноваться. Вряд ли он просто старался выманить меня из дома. На глупую уловку это не было похоже. Да и не тот человек Костя, который мог бы так рискованно шутить.

Я быстро оделась и покинула свою комнату. Тетушка Мила все еще сидела в гостиной.

– Ты опять уходишь? – спросила она, впрочем, без особого интереса.

– Да, есть кое-какие важные дела, – ответила я, прямым ходом направляясь в прихожую.

Уже обувшись и открыв входную дверь, я добавила громко, чтобы тетушка услышала:

– Ночевать могу не прийти. Не волнуйся.

Я вышла из подъезда. На улице уже стемнело. Ночь в это время года рано вступает в свои права. Я искренне порадовалась, что поленилась сегодня поставить в гараж «Фольксваген». Сейчас это пришлось как нельзя кстати.

До Костиного дома я добралась за двадцать минут. Могла бы, конечно, и быстрее, но, как назло, началась поземка и помешали пробки на дорогах.

Скорее всего, Жемчужный видел из окна, как я подъехала, потому что входная дверь уже была открыта, а сам он дожидался меня в прихожей. Он сидел на низеньком табурете у трюмо и курил. Одет он был в джинсы и застегнутую под горло куртку. Рядом с ним на полу стояла набитая до отказа спортивная сумка.

– Что с тобой, Костя? – подскочила я к нему и присела на корточки.

Он поднял на меня глаза.

– Убили моего брата. Мне позвонила мать. Прямо в театр позвонила. Во время спектакля. Ты представить себе не можешь, каких трудов мне стоило доиграть до конца. Гоша всегда был непутевым по жизни. Знаешь, мне нередко приходилось...

– Постой, – прервала его я, – не загоняйся, Костя. Давай все по порядку. Я ведь, если честно, и представления не имела, что у тебя есть брат. Родной, что ли?

– Родной, – кивнул он. – Старший. На два года старше меня. Только теперь не есть, а был.

– Как это случилось?

– Не знаю. Я пока еще ничего не знаю. Мать позвонила и сказала только, что Гошка погиб. Убили его. И больше ничего не сказала.

– Откуда она звонила?

– Из Воронежа. Я ведь тебе говорил, что я воронежский.

– Говорил, – подтвердила я. – Так брат твой жил там?

– Да. С матерью. Слушай, – он взглянул на часы. – Давай в дороге обо всем поговорим.

– В какой дороге? – опешила я.

– В двадцать минут десятого от автовокзала отходит автобус до Воронежа. Я на него уже и билеты взял. И вещи тоже собрал, – он кивнул на спортивную сумку. – Надо ехать туда.

– Обоим? – уточнила я.

– Ну, да. Ты против? У тебя же сейчас никакой работы нет, и я подумал, что ты поможешь мне.

– Да-да, я понимаю, тебе сейчас нельзя оставаться одному, – но я уже начинала догадываться, к чему идет наш с Жемчужным разговор.

– Нужно найти убийцу моего брата, – подтвердил он мои подозрения.

– Подожди, Костя, – я поднялась. – Ты не шутишь?

– Какие уж тут шутки, Жень.

– Но я не частный детектив, – запротестовала я. – Я занимаюсь тем, что стараюсь предотвратить трагедию, а когда она уже свершилась...

– Женья, – Жемчужный снова бросил взгляд на часы, – у нас очень мало времени. Мы можем опоздать на автобус. А следующий только завтра. Я прошу тебя, поехали со мной. У тебя будет еще время подумать. Приедем в Воронеж, осмотришься там как следует, а потом решишь. В любом случае мне понадобится твоя моральная поддержка.

Он поднялся с табурета, погасил окуроч в пепельнице, стоящей на трюмо, и взял в руки сумку.

– Так что скажешь?

Колебалась я недолго. Жемчужный не раз выручал меня, как я уже говорила об этом, и бросить его в такой момент с моей стороны было бы по меньшей мере подло.

– Едем, – отрывисто сказала я. – Но имей в виду, никаких расследований я тебе заранее не обещаю.

– По рукам, – он нашел в себе силы улыбнуться.

На моем «Фольксвагене» мы добрались до автовокзала, где я поставила свой выдавший виды автомобиль на стоянку. Бедняге придется дожидаться моего возвращения именно здесь.

На автобус мы успели почти впритык. Забрались в салон за две минуты до отправления.

– Когда мы будем в Воронеже? – спросила я Костю, расположившись на сиденье.

– Рано утром, – ответил он. – Так что можешь вздремнуть.

– Большое спасибо вам, господин Жемчужный, – съерничала я.

– Сердишься на меня?

– Сейчас на тебя сердиться грех, – резонно заметила я. – Но потом, в будущем, можешь не сомневаться, я найду момент высказать тебе свое недовольство.

В разговоре с Костей я преследовала двойную цель. Из-за своего эгоизма и упрекнуть его малость хотелось, и в то же время я рассчитывала поднять ему настроение.

– Жень, мне больше не на кого положиться, – признался он и с чувством пожал мне руку. То ли он и в самом деле возвращался постепенно в свой обычный ритм жизни, то ли старался просто временно отогнать мысли о погибшем брате, но выглядел Жемчужный уже не так вяло и убито, как при моем приезде к нему.

– Ладно, выкладывай все, что знаешь, – смиростивилась я над ним.

– Я сказал тебе почти все, – ответил Костя. – По телефону мать не сказала больше ничего, потому я и решил, что нам с тобой необходимо срочно срываться с места и мчаться в мои родные пенаты. Только на месте мы сможем выяснить все детали случившегося. От себя лично могу только добавить, что при том образе жизни, который вел мой брат, следовало рано или поздно ожидать подобного плачевного финала.

– А что за образ жизни он вел? – Я устроилась на сиденье поудобнее, приготовившись к длительной дороге.

– Беспутный и безалаберный, – вынес свой приговор и без того уже покойному брату Костя.

– Чем он занимался? Профессия у него какая?

– По образованию он тоже актер, как и я, – поведал мне Жемчужный. – Мы оба учились в Воронеже у собственной матери. Она – педагог по мастерству на театральном факультете. Сначала Гошка выучился, а затем я после армии в следующий набор. Но актером он не стал.

– Почему? – поинтересовалась я, заметив, что Жемчужный замолчал, уйдя в какие-то свои воспоминания.

– Не заладилось у него с этой профессией. Не повезло. Он и к нам приезжал работать, и в Волгограде пробовал устроиться, и в Москве.

– А в самом Воронеже?

– Тоже. Но нигде, ни в одном театре, не мог проработать больше года.

– Таланта не хватало? – предположила я.

– Да нет, – Жемчужный улыбнулся. – Таланта хоть отбавляй. Склад характера мешал.

– Как, говоришь, его звали? Гоша?

– Да. Георгий. Сякин Георгий Эдуардович.

– Как-как? – не поверила я своим ушам. – Сякин?

– Ты разве не знала, что Жемчужный – это псевдоним, – смутился Костя.

– Догадывалась, – ответила я. – Но Сякин... Теперь я могу понять, почему ты предпочел обзавестись псевдонимом.

– Смейся-смейся, – беззлобно отмахнулся он.

– Не дуйся, как мышь на крупу, – я нагнулась к Жемчужному и поцеловала его в щеку. – Лучше скажи, чем он все же занимался?

– Бог его знает, – пожал плечами в ответ Костя. – Фирма у него была какая-то в последнее время. А чем занималась она, что производила или продавала, не знаю.

– Оружие, наркотики, валюта? – выдвинула я новую версию.

Жемчужный даже не удержался и рассмеялся.

– Что ты? Если бы ты знала Гошу, даже и не предположила бы такое.

– Ты сам говорил об опасном образе жизни, – напомнила я.

– Я имел в виду совсем другое. Его беспорядочные связи с разными женщинами.

Ах, вот оно что! Похоже, нам придется иметь дело с обычной «бытовухой». Неразделенная любовь, ревность, классический треугольник, разбитые сердца и все такое. Косте куда проще было бы обратиться в милицию, чем тащить меня в другой город. Но я не стала ему этого говорить. В самом деле, почему я должна отказывать в просьбе дорогому моему сердцу человеку? Может, и правда смогу чем-нибудь помочь в поисках убийцы. Буду только рада этому.

Но загадывать наперед я ничего не стала. Костя прав. Приеду в Воронеж, оценю обстановку, а там видно будет.

Только сейчас я вспомнила, что прошлую ночь не сомкнула глаз. И опять-таки по вине Жемчужного. Надо хоть в дороге наверстать упущенное. Я откинула голову на спинку сиденья и закрыла глаза. О том, что меня ожидало в Костином родном Воронеже, думать пока не хотелось. Включить мозг еще успею.

Глава 2

Нельзя сказать, что я отлично выспалась за время пути в автобусе, несмотря на то, что салон его был мягким и уютным. Но тем не менее той усталости во всем теле, которая наблюдалась перед тем, как мы с Жемчужным отправились в дорогу, уже не было. Сам Костя ни на секунду не сомкнул глаз. В отличие от меня и других пассажиров автобуса он ни разу не вздремнул за всю дорогу. О чем он думал все это время, я не знала, но предполагала, что он предавался воспоминаниям детства и молодости. Он заново переживал все жизненные моменты, так или иначе связанные с его братом.

– Подъезжаем, – сказал он мне, когда я открыла глаза. – Отдохнула?

– Сравнительно, – ответила я. – Знаешь, о чем я подумала? Ты так стремительно сорвал меня с места, что я даже не смогла позаботиться об элементарных вещах, необходимых в любой поездке. Зубная щетка, что-нибудь из одежды. В общем, ты меня понимаешь?

– Понимаю, – кивнул Костя. – Но Воронеж не такой отсталый город, как ты себе представляешь. Там все можно купить.

– Спасибо. Ты меня утешил.

На автовокзале нас, естественно, никто не встречал. Костя никого не предупредил о приезде, да и время было раннее.

Я огляделась в поисках такси. Как ни странно, но ни одного по близости не наблюдалось. Даже таксисты еще изволили почитать в мягких кроватях.

Костя будто бы прочитал мои мысли.

– Не беспокойся. Нам недалеко. Пешком минут десять.

– Тогда пошли, чего терять время.

Мы направили свои стопы в сторону центра. В Воронеже я была впервые, и, хотя на улице было еще темно, я старалась разглядеть его как можно лучше. Чем-то он напоминал мне наш родной Тарасов. Впрочем, все провинциальные города отдаленно напоминают друг друга. Есть между ними что-то общее. Но тем не менее Тарасов был мне значительно роднее, и я невольно отмечала изъяны этого города в противовес достоинствам нашего. Жемчужный же смотрел на утренний город своего детства совсем иными глазами. Казалось, он ласкал взглядом каждый его уголок. Ему все здесь было знакомо, и душа романтика ликовала даже при виде мусорного бака у обочины, ибо и с ним у Кости наверняка могли быть связаны какие-нибудь одному ему известные воспоминания.

– Сейчас направо, – сказал он мне, и мы свернули во двор.

– Вот и мой отчий дом, – произнес Жемчужный, полной грудью вдыхая утреннюю прохладу.

Прямо перед нами стояло пятиэтажное строение времен Никиты Хрущева. Оно совершенно ничем не отличалось от ряда других домов, но Костя отозвался о нем с такой интонацией, как будто перед нами возвышался дворец. Обшарпанные стены с облупившейся штукатуркой, грязные, пыльные подъезды, в которых поздними вечерами обожала отираться пьяная молодежь. В общем, все, как при советской власти.

– Какой этаж? – спросила я.

– Четвертый.

Я запрокинула голову и профессиональным взглядом отметила, что попасть в любую квартиру на четвертом этаже через окно никак невозможно. Не знаю, для чего мне могла понадобиться в будущем подобная информация, но если придется браться за расследование обстоятельств гибели Георгия Сякина, то осваивать детали пора уже сейчас.

– Ну, что, пойдём? Или будем стоять здесь? – прервала я Костину затянувшуюся ностальгию.

– Пойдем, конечно, – он направился к подъезду.

Я двинулась следом за ним.

На четвертом этаже перед обитой красным дерматином дверью он остановился.

– Ты не будешь возражать, если я представлю тебя маме как свою невесту? – Жемчужный повернул ко мне голову.

Я вздохнула. Даже здесь приходится сталкиваться с этим вопросом, который висел надо мной, как дамоклов меч.

– Не буду, – ответила я. – А почему бы тебе не сказать, что я частный детектив? Ведь именно в этом качестве ты привез меня сюда.

– Перестань, – поморщился Костя. – Зачем ты хочешь вызвать во мне чувство вины?

– Я думала, тебе это чувство недоступно.

Он ничего не ответил и уверенно надавил на кнопку звонка. В квартире послышалась переливчатая трель, а вслед за ней и приближающиеся шаги. Дверь открылась, и перед нами предстала пожилая женщина лет шестидесяти пяти. Это и была мама великого актера Константина Эдуардовича Жемчужного. Или Сякина, кому как больше нравится.

– Костя! – увидев на пороге сына, она со слезами бросилась ему на грудь.

Полагаю, это произошло не только потому, что мать и сын долгое время были в разлуке и жутко соскучились друг по другу. Скорее, женщине давно требовалось выплакаться, но подходящего плеча поблизости не находилось. Еще бы! Для матери самое величайшее горе на земле: пережить своего сына.

Сякина была небольшого роста, полновата, волосы абсолютно седые. Одета во все черное, включая платочек на голове. Горе еще больше надломило и без того немолодую женщину, и она с трудом переставляла ноги. Глаза у мамы Жемчужного были красные, и, может быть, не столько из-за слез, сколько из-за бессонной ночи.

– Как ты, мама? – заботливо поинтересовался Костя.

– А как я могу быть? – в тон ему ответила она. – Стараюсь держать себя в руках, но получается неважно.

Тут она заметила меня, отерла тыльной стороной ладони слезы с лица, поправила на голове платок и сказала:

– Здравствуйте.

Я ответила ей взаимным приветствием.

– Мама, это – Женя, – представил меня Жемчужный, взяв за руку. – Моя невеста. Женя, это – моя мама. Вера Николаевна.

– Очень приятно, – добродушно произнесла она.

– Поверьте, мне также, – сказала я. – Костя много рассказывал о вас. Примите мои соболезнования.

В ответ она только кивнула.

– Женя, ты побудь здесь, – Жемчужный все еще держал меня за руку. – Хорошо? А я отлучусь ненадолго.

– Мы пойдем на кухню, – взяла инициативу в свои руки его мать. – Хотите чаю?

Предложение было неестественным, и я прекрасно понимала, почему. Бедной женщине просто хотелось мысленно уйти от происшедшего любимыми путями.

Я ничего не ответила, и мы с Верой Николаевной отправились на кухню, покинув Костю.

Честно говоря, чай я не очень любила и всем другим напиткам предпочитала кофе, но в данной ситуации возражать было бы неуместно.

Вера Николаевна поставила на плиту чайник и села за стол, сложив руки в замок прямо перед собой. Я разместилась напротив.

– Вы давно знакомы с Костей? – спросила она у меня, подтверждая изначальное предположение. Ей сейчас было все равно, о чем говорить.

– Не так чтобы очень, – туманно ответила я. – Но мы прекрасно дополняем друг друга. Костя – замечательный человек. И актер талантливый. Насколько я поняла, это тоже ваша заслуга.

– Не совсем, – она смотрела то на меня, то на свои сцепленные пальцы. – Костя – актер от бога. Те знания, которые я ему дала в институте, лишь подкрепили то, что было ему дано.

– А Георгий? – осторожно спросила я, стараясь не сильно травмировать ее, но в то же время подобраться к интересующей меня теме.

– Гошка был неудачником, прости меня, господи, – Вера Николаевна перекрестилась. – О покойниках нельзя ведь говорить плохого, да? Но мне, думаю, можно. Он ведь мой сын. Я всегда имела право пожурить его. Непутевый он.

Мать погибшего то и дело путалась, говоря о Георгии то в прошедшем времени, то в настоящем. Впрочем, я могла ее понять. Она до сих пор не может привыкнуть к мысли, что старшего сына уже нет. Это и немудрено. Не так много времени прошло.

– В чем же была его непутевость? – поинтересовалась я.

– Да во всем. Ни работу себе приличную не смог найти, ни семьей толком не обзавелся.

– Он холостяком был?

– Гошка-то? Он дважды разведенный. Первый раз еще по молодости по глубокой женился. Ребеночка завели. Хороший мальчуган такой, только Гошка их бросил и не видится даже с сыном. А второй раз развелся месяца три-четыре назад.

– Тоже дети есть?

– Нет, слава богу, – Вера Николаевна снова перекрестилась. – Не хватало ему еще один грех на душу взять. Коли он такой бестолковый у меня, так зачем же детки малые по его вине страдать должны.

– А в последнее время Георгий, значит, один жил? – уточнила я.

– Да бывали у него женщины... Мужики ведь без баб не могут.

Чайник закипел, и Вера Николаевна, достав из серванта две чашки, принялась разливать в них кипяток.

– Жениться он собирался, – продолжила она, неспешно выставляя на стол сахарницу, сушки и масло. – Говорил, через пару месяцев свадьба. Они со Светой не сегодня-завтра собирались и заявление уже подать. Да вот не успели, – на глаза Веры Николаевны вновь навернулись слезы. – Но, может, это и к лучшему. Не успел он, паскудник, еще одну девушку загубить.

– А жена его бывшая к этому как относилась? – продолжала я несильно напирать. – Я имею в виду к его новой женитьбе?

– О какой именно жене вы спрашиваете? – уточнила Вера Николаевна, прихлебывая чай. Разговор она вела как-то автоматически, полагаю, не очень-то и вникая в суть.

Я и сама чувствовала себя неловко оттого, что приходится допрашивать ее, но кто еще мог сообщить мне о погибшем достоверную информацию, как не она. В первую очередь приходилось думать о деле, а не о приличиях.

– О последней, разумеется, – ответила я. – Вы же сами сказали, что с первой он давно уже никаких контактов не поддерживал.

– Это верно, – подтвердила моя собеседница. – Не поддерживал. А с Надей они еще виделись. Все-таки живем по соседству.

– Так как она отнеслась к тому, что он опять жениться собрался? – напомнила я Вере Николаевне о своем вопросе.

– Да никак не отнеслась. Обыкновенно. Женится, и черт с ним.

– Скандалов не было?

– Вообще?

Разговаривать с матерью убитого Георгия было нелегко. Тем более сейчас, когда ее подломило семейное горе. Но и той информации, которую я получила от нее, на первых порах было

вполне достаточно. Во всяком случае, я узнала о двух особах, так или иначе находившихся в контакте с покойным незадолго до его смерти. Это его последняя жена Надежда и невеста по имени Светлана. Надо в первую очередь выяснить, не было ли между ними конфликта. Все-таки налицо треугольник.

– Я имею в виду, уже после развода между Георгием и его бывшей женой не было ли скандалов по причине его предстоящей свадьбы? – все же предприняла я очередную попытку вернуть Веру Николаевну на путь здравых размышлений, хотя и осознавала в глубине души всю бесполезность этой затеи.

– Нет, после развода скандалов больше не было, – ответила она. – Да их и не могло уже быть.

– Почему?

– Так сложились обстоятельства.

Мне очень хотелось бы узнать, что за обстоятельства такие сложились между бывшими супругами Сякиными, но в этот момент в кухню вошел Жемчужный. Он курил сигарету, и вид у него был очень рассеянный. Ни слова не говоря, он прошел к плите, взял в руки чайник и налил себе чаю в первую попавшуюся под руку чашку. Сел за стол рядом со мной. Повисла длительная пауза. Наконец Жемчужный, в очередной раз затянувшись и выпустив неровную струйку дыма, сказал, обращаясь к матери:

– Мы с Женей приехали для того, чтобы отыскать убийцу Гоши, мама.

Вера Николаевна ничего не ответила, а только молча покачала головой.

– Расскажи нам, как можно подробнее, что произошло? – попросил ее Костя. – Для начала, как убили Георгия?

– Вчера после ужина Гоша сказал, что сильно устал и хочет пораньше лечь спать, – начала она, разглядывая собственные ладони. – Я не стала возражать, и он ушел к себе в комнату. Я сидела в гостиной и смотрела телевизор. В половине седьмого позвонила Эльвирочка и сообщила мне, что завтра она задержится и придет к нам не как обычно, в десять, а часикам к двенадцати. Я была не против. Еще звонила Аня, просила позвать к телефону Георгия, но я сказала ей, что он спит. В начале восьмого я вышла в магазин, купить к завтраку масла и хлеба, а когда вернулась, обратила внимание, что дверь в комнату Гоши приоткрыта, хотя я прекрасно помнила, что он плотно закрывал ее. Я тогда не подумала ни о чем дурном, а просто решила, что он проснулся. Я постучала, но он не ответил. И тогда я вошла... – в этом месте Вера Николаевна запнулась и готова была вновь расплакаться.

Костя накрыл ее руку своей.

– Успокойся, мама. Давай без эмоций. Прошлого все равно уже не вернешь, а нам необходимо знать все.

– Я зашла, – продолжила она, – и увидела его на кровати с запрокинутой головой. Одеяло валялось на полу, а вокруг Гошиной шеи был обмотан телефонный шнур. Я подбежала к нему, но мне хватило и одного взгляда, чтобы понять, что он мертв.

– Ты что-нибудь трогала руками, мама? – спросил Жемчужный.

– Боже упаси, – открестилась она. – Я тут же вернулась обратно в гостиную и первым делом позвонила Жанночке. А она велела мне не волноваться, вызвать милицию и ждать ее.

Я слушала Веру Николаевну молча и поражалась изобилию женских имен в ее рассказе. Каждое я старалась зафиксировать в памяти, чтобы потом выяснить, кто из них что собой представляет.

– Что было дальше? – допрос матери вел Жемчужный.

– Я сделала все, как сказала Жанна. Только еще позвонила тебе в Тарасов и сообщила о трагедии. Потом приехала милиция. Они допрашивали меня, проводили в Гошиной комнате какие-то экспертизы, в которых я мало что понимаю. Уехали только в первом часу ночи.

– А во сколько приехала Жанна? – допытывался Жемчужный.

– Где-то около половины одиннадцатого, – ответила Вера Николаевна, немного подумав. – Честно скажу тебе, Костя, я к этому времени уже слабо что соображала. Находилась в какой-то прострации, и потому Жанна взяла все хлопоты на себя. И со следователями, по большей части, разговаривала она, и всю организацию похорон. Гроб заказала. Его доставили в четвертом часу утра. После этого Жанна уехала. Вы с ней немного разминулись. Она сказала, что сама оповестит всех, кого нужно, и велела мне отдохнуть. Поспи, говорит, но я так не смогла.

– Его увезли?

– Да, сразу же. Сказали, что сегодня вернут.

– Следователь выдвинул какую-нибудь рабочую версию? – осведомился Жемчужный.

– Может, и выдвинул, – пожала плечами Вера Николаевна. – Только мне об этом ничего не сказал. Обещал сегодня навеститься еще раз.

– Ну, хорошо, – Костя затушил сигарету и тут же закурил новую. – Давай на этом пока закончим. Жанна права, тебе действительно необходимо отдохнуть и как следует выспаться. Силы тебе еще понадобятся, мама. Только последний вопрос. Ты лично подозреваешь кого-нибудь?

– Об этом и следователь меня спрашивал. Но я не могу никого подозревать, Костя. Мне просто некого подозревать.

– Ладно. Поди приляг, мама, – Жемчужный заботливо помог ей подняться и проводил до двери. – Жанна приедет?

– Да, конечно. К обеду, сказала.

Отправив мать в опочивальню, Костя вернулся за стол.

– Кофе нет? – спросила я его.

– Нет, – он взял в руки сигарету, оставленную в пепельнице. – Мама не пьет кофе. Врачи запрещают. Давление.

– Понятно, – грустно произнесла я.

– Ну, что скажешь? – Жемчужный повернулся ко мне лицом.

– Неплохо было бы еще узнать, как Георгий провел вчерашний день. Да и вообще, что происходило с ним в последнее время. В каком настроении он был, не беспокоило ли его что-то. Может, ссорился с кем-то, конфликтовал.

– Узнаем, Женя. Обещаю, узнаем. Мы должны выяснить все. Но я спрашиваю тебя о другом.

– О чем? – поинтересовалась я, хотя прекрасно поняла его.

– Ты возьмешься за это дело?

– А куда мне деваться? – ответила я. – Не могу же я бросить тебя один на один с трупом собственного брата. Ты еще таких дров наломать можешь. А мне не хотелось бы расследовать еще и твое убийство.

– Спасибо, – ответил он.

– На спасибо далеко не уедешь, – парировала я.

– Что же ты хочешь за работу?

– Кофе купи, и мы в расчете.

– Договорились, – он обнял меня за плечи и поцеловал. – Я знал, что смогу положиться на тебя.

– А я знала, что ты – хитрая бестия, – произнесла я, отвечая на его поцелуй. – Только давай сразу проясним кое-что.

– Что?

– Меня интересуют некоторые действующие лица этой драмы, о которых упоминала твоя мать. Начнем по порядку. Эльвирочка – это кто?

– Приходящая домработница. Маме уже тяжело самой справляться с хозяйством, а от Гошки помощи сроду не дождешься. Вот она и наняла Эльвиру.

- В каких отношениях с ней был Гоша?
- Я не в курсе, Жень. Я даже ни разу не видел эту домработницу в лицо. Но могу предположить, что, если она симпатичная, кое-какие отношения между ними могли сложиться. Я поняла его намек.
- Георгий собирался жениться на какой-то Свете.
- Да, верно, – подтвердил Костя. – На Нежелской. Я ее знал раньше. Но это ничего не значит. Собирался он жениться или нет, красивую девушку Гошка не пропустил бы. Не тот он человек. Я же говорил. Бабник.
- Ладно, разберемся, – произнесла я. – А Аня? Она кто такая?
- Красильникова Аня – это Гошина секретарша. Я же тебе говорил, что у него какая-то фирма.
- Что она за человек?
- Здесь тоже помочь не смогу, – печально резюмировал Костя. – С ней я знаком не больше, чем с Эльвирой. Слышал о ней только со слов мамы и самого Георгия. Но вроде бы красивая. Хотя трудно представить кого-то красивее тебя, – тут же спохватился он и отвесил комплимент.
- А невеста его красивая? – я пропустила его грубую лесть мимо ушей, полностью сосредоточенная на деле.
- Симпатичная. Гоша вообще не держал возле себя уродин.
- Понятно. И наконец – Жанна. Это кто?
- Жанна – наша сестра, – ответил Костя.
- Родная?
- Да. Нас трое детей. Было, – добавил он после секундной паузы. – Это я на тот случай, если у тебя возникнет желание узнать, нет ли у нас в семье еще кого.
- Она не замужем?
- Вдова.
- Интересно, – сказала я, – и от чего умер ее муж?
- Ничего интересного, – в тон мне ответил Костя. – У него был рак. В расцвете лет, очень печальное событие.
- Дети?
- Не успели обзавестись.
- А давно он умер?
- С год назад. Может, чуть больше. И замуж по новой Жанна пока не собирается, – предотвратил Костя мой следующий вопрос.
- Я задумалась. Однако как много женщин замешано во всей этой истории. Я бы даже сказала – сплошные женщины. Ни одного мужика на горизонте, не считая Кости и самого покойного Георгия.
- Почему ты не хочешь полностью довериться компетентным органам в этом деле? – предприняла я последнюю попытку сфилонить, хотя очень хорошо знала, что ответит Костя на мой вопрос.
- Жень, я не ребенок, – сказал он. – Мне прекрасно известно, что подобные дела раскрываются прокуратурой в десяти случаях из ста. Статистика – упрямая штука. Но я не собираюсь рисковать и полагаться на десять процентов. Убит мой родной брат. Мне нужна справедливость.
- Ты так веришь в меня?
- Больше, чем ты думаешь, – ответил Жемчужный с чувством.
- Куда ты ходил, пока я с твоей мамой пила чай? – поинтересовалась я.
- Осматривал место трагедии. И вообще, думал найду что-нибудь важное.
- Ну и нашел что-нибудь важное?

– Ничего, – покачал головой он. – Эксперты прошерстили там все до миллиметра. Разве после их нашествия что-нибудь можно найти.

– Иногда можно, – задумчиво произнесла я. – Во всяком случае, такое нередко случается. И не потому, что они профаны в своем деле, а просто от постоянной работы глаз замыливается. Это простительно любому специалисту. Пойдем, я посмотрю.

С этими словами я поднялась из-за стола, и Костя последовал моему примеру. Мы покинули кухню и через гостиную прошли в комнату покойного Георгия. Квартира у Сякиных была трехкомнатная, причем смежная. Гостиная располагалась по центру, а из нее можно было попасть в два других помещения. Сейчас в одном из них отдыхала Вера Николаевна, а в другое, занимаемое ранее Георгием, направились мы с Жемчужным.

Комнатка была небольшой, но уютной. Здесь, что называется, все находилось на своем законном месте. У окна напротив двери стояла полутораспальная кровать, в изголовье – тумбочка с телефоном на ней, с правого бока – письменный стол, слева – столик на колесиках, за дверью вдоль стены – двустворчатый платяной шкаф. Рядом с письменным столом имелся еще и книжный шкаф небольшого размера, а по правую руку от него – торшер.

Постель Георгия разобрана, одеяло, как и говорила нам с Костей Вера Николаевна, – на полу. Доблестные служители порядка оставили все, как было до их приезда. Даже в шкафу и в книгах порылись аккуратно, практически не оставив следов обыска. Об их пребывании здесь говорили остатки порошка для выявления отпечатков пальцев. Они были повсюду. И на поверхностях маленького и большого столов, и на спинках кровати, и на дверцах шкафа. В общем, везде, где только можно оставить предполагаемые отпечатки пальцев.

– У тебя знакомых в прокуратуре нет? – спросила я Костю, окинув взглядом комнату, как стратег поле брани перед началом битвы.

– У меня нет, – признался он. – Но у Жанны, кажется, одноклассник там работает. А что?

– Неплохо было бы получать информацию, как у них продвигается расследование.

– Думаю, это можно устроить, – сказал Костя. – Я поговорю с Жанной, как только она приедет, и может быть, даже попробуем познакомить тебя с этим одноклассником.

– Это хорошо.

– Только не увлекайся им как мужчиной.

– Ничего, тебе полезно, – ответила я. – А то иногда ведешь себя так, как будто я уже твоя жена.

Я оторвалась от Кости и принялась внимательно изучать дверной замок. Он не был взломан.

– А Георгий не закрывал дверь на ключ, когда ложился спать? – осведомилась я у Кости, который наблюдал за моими действиями с таким видом, будто я сию же секунду должна выдать имя убийцы.

– Нет. Закрывал, но не запирали.

– А зачем закрывал?

– Ну, понимаешь, Гоша нередко приводил к себе женщин домой, и, чтобы не смущать мать, он отгораживался закрытой дверью. Потом это вошло у него в привычку. И мать никогда без стука не входила к нему, даже если он был один. Привычка – вторая натура.

– Это верно, – не могла не согласиться я.

Потеряв интерес к дверному замку, я переключила свое внимание на кровать. Для начала я заглянула под нее, затем обошла вокруг и осмотрела тумбочку. Взяла в руки телефонный шнур. По словам Веры Николаевны, выходило, что он и являлся орудием убийства. Что это значит? Почему у убийцы не нашлось под рукой ничего более подходящего? Убийство получилось спонтанным? Или злоумышленник изначально планировал воспользоваться таким способом? Но почему Георгия не задушили руками? Тут у меня напрашивался сам собой простейший ответ. Убийца – женщина, и справиться с Георгием вручную ей было не по силам. Во

всяком случае, она не стала рисковать. Подобный ответ неплохо укладывался и в мою рабочую версию.

Но больше всего меня беспокоило то, как убийца проник в квартиру Сякиных. Я подошла к окну. Догадка, посетившая меня еще на улице, была верной. Забраться к Сякиным через окно невозможно даже теоретически. Если, конечно, интересующая меня особа не была скалолазкой и не имела при себе всех необходимых атрибутов для лазания по отвесным стенам.

– О чем думаешь? – прервал мои размышления Жемчужный.

– Скажи, Костя, а твоя мама, уходя вчера в магазин, не могла забыть запереть входную дверь?

– Шутишь? – изумился он. – Она, конечно, пожилая женщина, но маразмом пока не страдает.

– Если ты такой умный, – рассердилась я, – то скажи мне, каким тогда образом убийца попал в квартиру? Или ты думаешь, что он спрятался в ванной еще неделю назад.

– Я думаю, она открыла дверь ключом.

– Почему именно она и откуда у нее ключ? – сразу насторожилась я.

– Не надо ловить меня на слове, – надулся Жемчужный. – Я просто предположил это в качестве варианта, полагая, что при том количестве женщин, прошедших через эту квартиру и руки моего брата, кому-нибудь из них сделать копию с ключа было совсем нетрудно.

– Может, ты и прав, – я не хотела показывать Косте, что мне импонировала его версия. Она опять-таки была сродни моим догадкам. – Только, выходит, злоумышленница также знала о том, что Вера Николаевна пойдет в магазин.

– Ну, наверное, – неуверенно произнес Костя и сам же спросил: – А откуда?

Я ничего не ответила ему и еще раз обвела взглядом комнату.

– Вещей никаких не пропало?

– Я без понятия, Жень, – пожал он плечами. – Откуда я могу знать, что хранил в своей комнате Гоша в последнее время. Я в Воронеже знаешь сколько не был? Это надо будет у мамы спросить, когда она проснется. Но и тут я не уверен, что она сможет нам помочь.

– Почему?

– Одно дело – сказать, что вообще в квартире пропало, а другое, что непосредственно у Гошки.

Да, загадки в этом деле были, и загадки – существенные. Я решила в срочном порядке заслать Жемчужного в магазин за кофе и, расположившись на кухне, в спокойной обстановке, пока не проснулась Вера Николаевна, обмозговать все, что услышала и увидела за последний час.

Но я не успела этого сделать. Только я было открыла рот, как в дверь позвонили.

Глава 3

– Я пойду открою? – спросил у меня Жемчужный, заметив, как я вся инстинктивно насто-
рожилась.

– Давай.

Я машинально отметила время на настенных часах. Половина девятого утра. Костя направился в прихожую, а я перебазировалась в гостиную, прикрыв за собой дверь в бывшую спальню Георгия Сякина. Села в кресло лицом к входу.

Костя вернулся спустя минуту, и не один. Вместе с ним в зал буквально ворвалась рыже-
волосая женщина приятной внешности. Единственное, что ее портило, так это габариты. Она
была чрезвычайно высока, широка в плечах, а копна волос, разметавшихся по плечам, добав-
ляла ей объемности. Одета дама была в сиреневый плащ, под ним блузка и широкие штаны.
Лицо густо и ярко накрашено.

– Где Вера Николаевна? – громогласно спросила она прямо с порога, даже не соизволив
поздороваться.

Костя ничего не ответил, явно предлагая мне взять инициативу разговора с прибывшей
в свои руки. Я не возражала.

– А вы, собственно говоря, кто? – медленно произнесла я, не поднимаясь с кресла и так
же, как и она, игнорируя обычную процедуру вежливости.

– А вы? – парировала рыжая.

– Неприлично отвечать вопросом на вопрос, – я не хотела раскрывать перед ней карты
первой.

– Я здесь работаю, – с достоинством ответила она, не смотря на меня и оглядывая ком-
нату. – Меня зовут Эльвира Александровна Берг.

Ах, вот оно что! Оказывается, мне представилась честь познакомиться с местной домра-
ботницей, причем раньше оговоренного ею срока.

– Очень приятно, – сказала я. – Меня зовут Женя.

– Мне это ни о чем не говорит.

– Я – частный детектив.

Выудив из кармана корочки, я махнула ими в воздухе и снова спрятала обратно. Вдруг
госпоже Берг придет в голову более детально взглядеться в них, а написано там было совсем
не то, что сказала я. Бодигард и частный детектив – вещи, прямо-таки скажем, разные. Но ей
это в голову, слава богу, не пришло.

– Вера Николаевна наняла частного детектива для расследования смерти Георгия? – уди-
вилась она.

– Нет, – подал наконец голос Костя. – Это я привез детектива.

Эльвира только оглянулась на него, но ничего не спросила. Костю она, видимо, знала.

– Садитесь, Эльвира, – я указала ей рукой на диван.

Она послушно опустилась на него и выжидающе уставилась на меня.

– Откуда вам известно о смерти Георгия? – спросила я. – Об этом уже написали в газетах?

– В газетах? – переспросила она. – Не знаю. Я газет не выписываю. Мне позвонила утром
Жанна.

– Мы это проверим, – пообещала я ей.

– Вы что, меня подозреваете? – она сделала попытку возмущенно вскочить с места, но
потом передумала.

– А чем вы лучше других? – невозмутимо заявила я.

Костя прошел к окну и, прикурив сигарету, открыл форточку. В наш диалог с Эльвирой
он не вмешивался, но слушал внимательно. Так же внимательно он наблюдал за ее поведением.

Правильно делает. Я за разговорами могу проморгнуть какую-нибудь неадекватную реакцию со стороны собеседницы, поэтому Жемчужный меня дублировал.

– Кажется, вы собирались сегодня отправиться с утра по каким-то делам? – продолжила я общение с домработницей. – Разве не так, Эльвира?

– Так, – кивнула она. – Я звонила вчера вечером Вере Николаевне и хотела предупредить, что задержусь, но, узнав от Жанны о случившемся, не могла не приехать.

– Весьма похвально с вашей стороны. Выходит, вы не просто работали в этом доме, но и были в хороших отношениях с домочадцами.

– Конечно, – нисколько не смутилась она. – Без этого нельзя. Если видишься с людьми изо дня в день, так или иначе сближаешься, налаживаешь взаимопонимание. Тем более, что Вера Николаевна всегда прекрасно относилась ко мне.

– Просто замечательно, – я не теряла надежды вывести собеседницу из равновесия. – А с Гошей у вас какие были отношения?

– Хорошие.

– Нельзя ли поподробнее. Его, видите ли, убили, и любая информация нам крайне важна, потому как никогда не знаешь заранее, что может пригодиться в расследовании.

– Не могу сказать, что мы с Гошей были друзьями не разлей вода, но испытывали друг к другу симпатию, – Эльвиру все же понемногу начал раздражать наш разговор. – Мы часто общались, когда он бывал дома, вместе обедали, он рассказывал о своих делах на фирме, иногда и о личной жизни тоже.

– Что он рассказывал вам? – моментально ухватилась я за оброненные ею слова.

Причиной Гошиной смерти могли быть как личные взаимоотношения, так и его, пока неизвестный мне бизнес. Мой вопрос прозвучал общо, и мне было интересно, чему же Эльвира уделит наибольшее внимание.

– Ну, что он мог рассказывать? Что с женой разошелся, например. Как и почему это у них вышло. Потом про новую свадьбу говорил, – дела фирмы она все-таки опустила. Ну что ж, отложим этот вопрос на потом.

Тут я вспомнила фразу, произнесенную Верой Николаевной. Она говорила, что в отношениях Георгия и его бывшей жены сложились какие-то определенные обстоятельства.

– Почему он расстался с последней женой, Эльвира? – спросила я.

– Это же всем известно. Надежда Анатольевна нежданно-негаданно сменила сексуальную ориентацию. Нет, нельзя сказать, что в их взаимоотношениях и до этого все было гладко, но данный факт поставил точку в их семейной жизни. Ее стали интересовать исключительно женщины.

Я бросила взгляд на Костю. Наши глаза встретились, и он чуть заметно кивнул. Дескать, подтверждаю слова допрашиваемой. Этот факт всем известен, и мне в том числе.

– Так значит, Георгий вам жаловался на свою судьбу? – вновь обратилась я к домработнице.

– Помилуйте, – усмехнулась она. – Почему же жаловался? Георгий никогда ни на что не жаловался. Не имел такой привычки. У него был совсем иной характер. Напротив, о случившемся он упоминал с иронией. Да-да, говоря о том, что его жена – лесбиянка, он смеялся.

– Ну, допустим, – ответила я. – А что он говорил вам о предстоящей свадьбе? Он хотел жениться?

– Странные вы вопросы задаете, однако, – рассмеялась Эльвира, но мне этот смех показался неестественным. – Хотел, не хотел. Я же вам уже сказала, Гоша был другого склада человек. Он ни к чему не мог относиться по-настоящему серьезно. Вся жизнь для него была сплошной игрой и развлечением.

Я снова взглянула на Жемчужного, а он снова кивнул головой. Против слов Эльвиры Александровны Берг он ничего не имел.

– Ну что ж, – не спеша произнесла я. – Тогда перейдем к главному. К вашим отношениям с Гошей.

– Разве мы не обсудили это пару минут назад? – изумилась рыжеволосая девица.

– Вы не поняли меня, – улыбнулась я. – Сейчас я говорю о более близких отношениях. Об отношениях между женщиной и женщиной. Были у вас такие с Георгием или нет?

– Это так важно? – вскинулась она.

– Больше, чем вы себе можете представить, Эльвира.

С минуту, наверное, она размышляла. Стоит ли раскрывать передо мной сей щепетильный момент или лучше послать куда подальше надоедливое частного детектива? В конце концов здравый рассудок победил, и она сказала:

– Не стану скрывать, Георгий всегда мне очень нравился. Впрочем, здесь нет ничего необычного. Он многим нравился и довольно успешно этим пользовался. Серьезных отношений у нас не сложилось, конечно, да мы и не стремились к этому, но пару раз он приглашал меня на свидания.

– На свидания куда?

– В ресторан. Ну, а после ужина, естественно, в свою комнату. Но, повторяю, это было всего два или три раза за все время. Ни у меня, ни у него не было возможности встречаться регулярно.

– Вы замужем, Эльвира?

– Нет. Я не спешу сделать такой ответственный шаг. Брак – дело серьезное, и к нему необходимо быть готовой во всех отношениях.

На вид Эльвире Берг было под тридцать. Ну, пусть даже двадцать восемь лет. Никак не меньше. Если она не хочет остаться старой девой до конца дней своих, ей бы стоило поторопиться с выбором кандидата в мужья. Впрочем, не мне об этом рассуждать.

– Когда вы видели Георгия в последний раз? – перешла я к конкретике.

– Вчера, разумеется. Я уже собиралась уходить домой, как вернулся он. Но мы даже не разговаривали. Гоша неважно себя чувствовал и сразу направился принимать душ. Он очень не любил болеть гриппом, а кто-то сказал ему, что контрастный душ на начальной стадии заболевания очень полезен. Я ушла раньше, чем он вышел из ванной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.